

Однако сейчас в его сердце поселилось отчаяние. Путь к тому, чтобы обрести в этом мире прежний комфортный уровень жизни, предстоял долгий и трудный.

Впрочем, он принес с собой из мира апокалипсиса свой золотой палец — особую способность, которая хоть немного скрасила ситуацию и позволила ему не чувствовать себя совсем уж беспомощным, словно слепой котенок.

В конце концов, в древнем мире, где превыше всего ставилась императорская власть и сыновья почтительность, существовало множество ограничений. И если не проявить должной осторожности, любое из них могло привести прямоиком на тот свет.

Шэнь Цинжань, получивший второй шанс на жизнь, определенно не хотел умирать!

— Сюлань, я смастерил носилки. Скоро положим Жань-эр на них, так будет удобнее в пути. Постели соломенный матрас, только смотри, чтобы ему не было жестко...

— Хорошо, поняла.

Нин-ши кивнула и позвала Шэнь Цинжо, чтобы та аккуратно разложила заранее приготовленный соломенный матрас на носилках.

— А-Хэн, осторожно переложи Жань-эр на носилки.

— Понял, отец, — тут же отозвался Шэнь Цинхэн.

Говоря это, он направился к Шэнь Цинжаню, лежавшему на соломенной подстилке. Как раз в этот момент душа Шэнь Цинжана завершила слияние, и он открыл глаза.

Их взгляды встретились. Шэнь Цинжань молчал, а Шэнь Цинхэн от неожиданности застыл на месте, не в силах сразу среагировать.

— Что случилось? — Шэнь Чанъи, не услышав движения, отложил вещи и обернулся. Увидев замершего сына, он с недоумением спросил: — Почему стоишь?

Этот вопрос вывел Шэнь Цинхэна из оцепенения. Его глаза широко распахнулись, и он воскликнул:

— Отец! Мама! Сяо Жань очнулся!

— Что?! — услышав это, Шэнь Чанъи и Нин-ши поспешили к Шэнь Цинжаню.

Шэнь Цинчэнь и Шэнь Цинжо тоже поспешно подошли. Пять пар глаз не отрываясь смотрели на Шэнь Цинжана.

Под таким пристальным вниманием Шэнь Цинжань почувствовал себя неловко. Поколебавшись, он решил нарушить гнетущую тишину:

— Отец... мама... старший брат... старшая сестра... второй брат...

Голос звучал сухо. Шэнь Цинжань долго молчал, и каждое слово отдавалось в горле острой болью, словно его разрывали на части.

— Кхе-кхе...

После этих слов он не сдержался и зашелся в приступе кашля. Никто из родных даже не заметил странностей в его поведении, все лишь обеспокоенно смотрели на него.

Нин-ши тут же подскочила и крепко обняла его, шепча нежным, полным тревоги голосом:

— Жань-эр, не торопись, говори медленнее, не спеши.

Она не ослышалась и не видела сна — это был голос Жань-эр, он действительно очнулся. Когда кашель утих, она, плача, прижала его к себе и с облегчением произнесла:

— Мой Жань-эр наконец-то очнулся.

Шэнь Цинжань, который всегда терпеть не мог прикосновений, на этот раз удивительным образом не оттолкнул Нин-ши, а, напротив, словно погрузился в эти объятия. От них исходило тепло, к которому его неудержимо тянуло.

Шэнь Чанъи тоже был взволнован, его руки дрожали — его Жань-эр выжил.

— Сяо Жань... — Шэнь Цинжо всхлипнула. Эти три дня она места себе не находила, боясь, что он никогда не откроет глаз. Хвала небесам, он пришел в себя.

— Сестренка, я в порядке. Не плачь, — Шэнь Цинжань склонил голову и улыбнулся ей.

— Хорошо, не буду, — Шэнь Цинжо сквозь слезы рассмеялась и принялась вытирать лицо. — Сяо Жань, у тебя что-нибудь болит? Обязательно скажи, хорошо?

— Сейчас я чувствую себя хорошо, просто немного слаб. Нужно отдохнуть, и все пройдет, не волнуйтесь.

— Вот и славно, — Шэнь Цинжо наконец выдохнула.

— Сяо Жань, ты проголодался? — Шэнь Цинчэнь тоже обрадовался и улыбнулся.

Шэнь Цинжань кивнул. Он действительно был голоден, ведь во время комы его поили только водой.

— Подожди немного, второй брат сейчас принесет... — Шэнь Цинчэнь поспешно обернулся, зачерпнул из глиняного горшка половник бобовой похлебки и протянул Шэнь Цинжаню.

Однако...

Когда еду поднесли к его лицу, Шэнь Цинжань замер.

Он смотрел на варево из каких-то неизвестных листьев и пары бобов и долго молчал, не притрагиваясь к еде.

— Что такое? — спросила Нин-ши.

Шэнь Цинжань молча поднял взгляд на обеспокоенную мать и покачал головой:

— Ничего... просто...

В конце концов, под пристальными взглядами семьи он с каменным лицом взял деревянную миску и сделал пару глотков...

Вкус был поистине неопишуемым, он просто не мог это проглотить. Без колебаний отставив миску, он умоляюще посмотрел на родных и честно признался:

— Невкусно.

Семья притихла.

Но сейчас они были в бегах, и само наличие хоть какой-то еды уже считалось удачей. Перебирать харчами в такой ситуации было непозволительной роскошью.

Нин-ши, встретившись с его несчастным взглядом, сердце кровью обливалось, но она все же попыталась убедить его:

— Жань-эр, хоть эта похлебка и невкусная, нужно поесть, иначе у тебя не будет сил идти

дальше.

— Верно! Сяо Жань, потерпи сегодня, завтра я найду что-нибудь повкуснее, ладно? — Шэнь Цинчэнь, опасаясь, что брат не выдержит долгого пути, начал ласково его уговаривать.

— Но это правда очень горько... — Шэнь Цинжань так скривился, что его личико стало похоже на сморщенный пирожок.

— Потерпи еще немного, хорошо?

— Ну ладно... — Шэнь Цинжань опустил плечи, смирившись с судьбой. Он, словно готовясь к смерти, залпом выпил содержимое миски, переждал неприятные ощущения и сердито буркнул: — Я все выпил!

— Умница, Сяо Жань, — Шэнь Цинхэн с любовью забрал у него миску и похвалил.

У Шэнь Цинжаня не было сил на дальнейшие споры, он обессиленно прижался к Нин-ши.

— Я пришел в себя, вы наверняка заметили. Теперь можете не беспокоиться, — подумав, решил сказать он, хотя и не стал объяснять, что прежний владелец тела исчез.

Раз уж он занял это тело, то принял и его судьбу. Теперь он — Шэнь Цинжань, а Шэнь Цинжань — это он.

Было и еще кое-что важное: он заметил, что душа прежнего владельца и его собственная словно дополняли друг друга, будто та была потерянной частью его собственной души.

Почему он так решил? На самом деле, когда он был маленьким, он тоже однажды впал в долгую кому, а после пробуждения чувствовал себя неважно — лишь с началом апокалипсиса, когда проявились способности, состояние улучшилось.

А если сложить это с тем, как он попал в династию Дацзинь, в тело человека с тем же именем, то такие подозрения выглядели вполне логичными.

Но все это было слишком невероятно, чтобы кому-то рассказывать.

В конце концов, это древние времена. Он не хотел, чтобы его сожгли как какую-нибудь нечисть...